

Зоя Криминская
Соня, Сонечка, Софья-царевна

сборник миниатюр

Зоя Криминская
Соня, Сонечка, Софья-
царевна. Сборник миниатюр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521401

ISBN 9785449369161

Аннотация

Короткие рассказы о маленькой девочке Соне, которая росла, росла, боролась с братом и сестрами, ела макароны с сыром, и, наконец, выросла.

Содержание

Соня, Сонечка, Софья-царевна	5
Младенчество	9
Первое путешествие	15
Чувство собственности	20
Первые высказывания	23
Знакомство с дачей	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Соня, Сонечка,
Софья-царевна
Сборник миниатюр**

Зоя Криминская

© Зоя Криминская, 2019

ISBN 978-5-4493-6916-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соня, Сонечка, Софья-царевна

5 июня 1997 года

– Катя ушла на французский? (или английский или немецкий, не помню точно, какой именно язык она продолжала изучать в конце девятого месяца беременности).

Вопрос этот обращен был к Валере, твоему будущему отцу твоей будущей бабушкой, т.е. мною, 5 июня 1997 года около полудня.

– Нет, – с исчерпывающей краткостью ответил Валера.

– Почему, она заболела?

– Ну, возможно...

Наступила пауза, но я не отступила ни на шаг, стояла у стола, ждала объяснений.

Валера вздохнул:

– Её увезли рожать.

– Когда?!

– В 9 часов утра.

– И что ж ты молчишь? Дочь рождает, а я ничего не знаю.

Надо звонить скорей.

– Я тоже вот сижу и думаю, что надо звонить.

Позвонили, и оказалось, что мы не будущие дважды отец и трижды бабушка, а настоящие, новоиспеченные.

Часа через два мы с Валерой уже были на пути в роддом.

Катя рожала в престижном роддоме-институте, название «Центр планирования семьи и репродукции». Расположен он на Севастопольском бульваре, и мы долго тряслись туда в битком набитом троллейбусе (чувствуешь, внучка, автомо-

бия у отца не было).

Нас пустили в палату, выдав белые халаты, и не пришлось общаться через окно, как я привыкла, кричать, надрывая горло, и всматриваться, пытаясь разглядеть внешний вид роженицы и ребенка через немытое паутинно-серое оконное стекло.

Когда мы вошли, Катя стояла, чуть покачиваясь, поддерживаемая медсестрой, бледная, в каком-то незнакомом халатике.

В такие минуты почему-то запоминается всякая ерунда – вроде незнакомого халата – и отвлекает, думаешь не о том, как чувствуют себя дочка и внучка, а о том, откуда взялся халат.

Я собралась с духом, чтобы сказать: «поздравляю дочка, слава богу, всё позади», как капля крови упала на пол возле Катиных тапочек. Маленькая такая, как капля воды из плохо закрученного крана.

Отец твой посмотрел на кровавое пятно на полу размером с пятак, побледнел, потом позеленел и грохнулся на стул, который, к счастью, оказался рядом:

– Какие ещё дети, – сказал он. – Лишь бы жена была жива.

– Да жива, она, видишь стоит, всё в порядке, – закричала я.

И Катя слабым жестом подтвердила, что она жива и всё позади, но жест был не вполне уверенный.

На самом деле она намучалась, рожала для вторых родов

долго, и её зашивали под общим наркозом.

– Ты была, мама, когда-нибудь под общим наркозом? – спросила меня Катя позднее, когда она лежала на кровати, а мы сидели рядом. – Ещё то удовольствие. Потолок вдруг закружился, закружился, полетел вверх, и всё исчезло.

Рядом с Катиной постелью стояла пустая детская кроватка, но нас уверили, что с тобой всё в порядке. Ты была новорожденная девочка, 2 850 г весом, где-то в детской палате крепко спала после пережитых передраг. Имени у тебя не было.

Младенчество

Младенчество – период в жизни, когда всё меняется с каждым днем. За младенцем принято записывать: какого веса родился и какой длины был, какой стал через месяц, через два, когда первый раз поднял голову, самостоятельно перевернулся на живот, и сумел, что труднее, перевернуться обратно, а не хныкать, чтобы помогли.

Поднятие головы в положении лежа на животе – важный этап в жизни младенца, и врач каждый раз спрашивает, как только распеленаешь перед ним ребенка.

– Голову держит?

И что-то торопливо пишет в карточке.

Маленькую, лысую или волосатую, уж кому какая досталась при рождении, головешку, младенец, уже в месяц от роду старается поднять, оглядывается вокруг с любопытством, и тут же с размаху шлепается носом вниз. Ребенок познает мир и запоминает, что любопытство наказуемо.

Шлепались носом и твоя мама, и дядя, и Настя, и Ваня. Шлепалась и ты. Вспоминается, правда, как-то смутно, что и я проделывала это, а возможно, тогда придавали значение тугому пеленанию младенца, а не умению поднимать голову.

Все достижения любимого чада заносят в тетрадку: когда ребенок улыбнулся и кому именно, когда прорезался первый зуб, когда сел в кроватке, когда встал.

В продаже бывают книжки: дневник младенца, где и думать не надо, что интересно и необходимо записывать, а что нет, главное – заполнить все графы.

Занимаются этим, как правило, молодые родители, играют со своим первенцем, записывают и мечтают, чтобы он побыстрее рос.

Когда появляется второй ребенок, родители уже уверены, что он в своё время и улыбнется в первый раз, и голову поднимет, и зуб у него вырастет с неизбежностью месяцем раньше месяцем позже, и он всё с той неизбежностью этим своим зубом постарается укусить мать, если она неблагоразумно продолжает кормить грудью свое зубастое дитя. Кроме того, опытные родители уже не ждут с таким напряжением, чтобы их ребенок рос побыстрее, а радуются, что он маленький, так как результаты взращивания у них на глазах в виде старшего, и не всегда эти результаты оптимистичны.

А про маленького можно некоторое время помечтать, что это будет ласковый и послушный ребенок. «Мечтать», как скажет ребенок родителям, когда заговорит, «не вредно».

Родители ничего за тобой не записывали, но любили и баловали.

Ты была спокойным младенцем, но, случилось, и ты иногда выражала недовольство жизнью.

Стоило тебе запищать, как отец выхватывал тебя из кроватки, клал животиком на свой живот, и начинал периодически тихонько встряхивать, что действовало успокаивающе.

При этом он валялся на полу и глазел в телевизор. Совмещал.

Конец августа, и я гуляю с коляской в яблоневом саду возле вашего дома.

Мне очень скучно и нечего делать. Ваня и Настя не позволяли скучать. Приходилось трясти коляску, из которой доносился пронзительный рев и делать вид, чтобы не волновать окружающих, что вопли эти только что возникли, а не звучат уже минут пятнадцать, а то сердобольные старушки подходят к коляске и начинают пространные разговоры о том, что младенца сглазили. Периодически, отчаявшись, приходилось вынимать младенца из коляски, качать на руках, укладывать снова, быстро везти, желательно, по буграм и кочкам для максимального перетряхивания мозгов. В общем, было не скучно. А тут младенчик даже если не спит, то просто лежит и тарашит на тебя глазенки, а потом отвернется и, смотришь, заснул.

Я от безделья насобираала китайских яблочек целый пакет, и Катя сварила из них варенье.

Врачи считали, что у тебя гипотонус, в отличие от Насти и Вани, и призывали с этим бороться, активизировать ребенка, но я считала, что ни к чему: активность снижать надо, понятно, иначе можно и не выжить, а пассивность...

Младенцам она не вредит, а там глядишь, ребенок и сам станет активным.

Впрочем, привыкнув к гиперактивным детям, я совершала ошибки. Надеюсь, ты их мне простишь.

Ты сидишь у меня на коленках и медленно сползаешь вниз, я думаю, что ты хочешь поползать. Я тебя придерживаю, но слегка, а когда до пола остается расстояние, в прикидку приблизительно равно длине твоих рук, я перестаю придерживать, в полной уверенности, что ты сейчас подставишь ручки при падении на пол. Ты действительно падаешь и начинаешь горько плакать, потому что ударилась лицом, а руки подставить не успела!

Мне жалко маленькую внучку, я беру тебя на руки, с которых ты только что сползла, обнимаю, успокаиваю, но в следующий раз всё повторяется, и только тогда я начинаю понимать, что надеяться не на что, это дитя будет ушибаться и ушибаться, и надо быть осторожней. Приспосабливаясь, я кладу тебя на пол при первых же поползновениях слезть с моих колен, хотя мне странно: предыдущий младенец, с которым я имела дело, был твой двоюродный братик Ваня, а Иван за те самые секунды, за которые ты не успевала подставить руки, успевал не только подставить руки, но и спустить ноги и, если зазеваюсь, чуть наклонившись, снести мне челюсть головой, подпрыгнув на месте.

И когда вы с Ваней общались, я всегда боялась, что это приведет к ушибам и синякам. Твоим ушибам и синякам. Нередко так и бывало.

Не знаю, куда делись твои родители, в какое турне уехали, но вспоминается, что мы с Лешей живем у вас, и Настя с нами, и тетя Ира пришла в гости посмотреть на моих внуков, вернее внучек, а свои у неё были на подходе, у тебя с Никитой семь месяцев разница.

Настя незамедлительно построила всех взрослых и усадила играть в «ведьму».

Допустить, чтобы сестра скучала, она не могла, притащила и тебя, хотя ей не разрешалось таскать тяжести.

Посадили тебя на колени к деду, дали в руки карты, и ты их держала, вцепилась пальчиками и не роняла.

Когда была твоя очередь выбирать, Настя подносила твою руку к картам, и спрашивала:

– Какую хочешь?

Ты уцеплялась за карту и Настя помогала её вытащить и засовывала тебе в руки. Сбрасывал одинаковые дед.

Мы сыграли два кона. Вдруг Ира бросила карты и начала смеяться:

– Сколько живу на свете, а с шестимесячным ребенком играю в карты первый раз в жизни.

При таком многообещающем начале можно было ожидать, что ты вырастешь азартной картежницей, но видимо, ты перетрудилась за эти два кона и в дальнейшей своей жизни интереса к картам не проявляла, не то, что твой прадед Карл Арамович, который, бывало, приходил утром домой в одних трусах: всё проигрывал в очко.

В тот же день, когда пришло твое время спать, я взяла тебя на руки и отнесла в кроватку. Уложила, и тихо закрыла за собой дверь.

– И это всё? – спросила Ира.

– А что ещё? Шуметь сильно не будем, и она уснет.

– Такого я не видывала, – удивлялась и не верила Ирина.

– Я тоже, но к хорошему быстро привыкаешь...

Некоторые родители покупают деткам манеж и не пускают их ползать по просторам пола, но я лично считаю, что это тормозит развитие ребенка, он должен активно познавать мир. Твой отец с матерью тоже не стремились тебя ограничивать, и ты ползала по всей квартире. Когда в семье заводятся такой маленький четвероногий зверёк, главное, не наступить ему на лапы. В довершение сходства с четвероногими, ты таскала с собой игрушки не в руках, – при этом они мешались бы, и хлопались при каждом движении об пол, а в зубах, как собаки таскают кость. Это было очень смешно, но нельзя было не согласиться с рациональностью такого способа переноски грузов.

С четырех месяцев ты начала сосать большой палец правой руки. Или левой? Ты лучше помнишь. Сосала ты пальцы, стыдливо прикрывшись светлым шерстяным одеялом.

Первое путешествие

Испания. Голубое небо, синее море, белые скалы Коста-Браво, дикого берега, и маленькая смешная девочка в длинном оранжевом цветастом платье и большой желтой панаме.

Всё такое цветное, так и просится нарисовать. Малышка, конечно же, Соня, и находится она в том полумладенческом периоде жизни, когда считают возраст не по годам, а по месяцам, и ей 14 месяцев от роду.

Соня сидит на полотенце на пляже, хранит мою шляпу из настоящей соломки, купленную два года назад в Анталии.

Вернее, я, купаясь в море, думаю, что внучка хранит, а она старательно с ней колупается.

День колупается, другой, третий.

Ну, беспечно думаю я, что могут маленькие ручки?

Не учитываю степени пакостливости ручёнок, и вот, пожалуйста, через три дня в шляпе дыра.

Я передвигаю соломинки, баррикадирую дыру, Соня делает её снова.

Соломинки обламываются и вот уже дыра, которую нечем закрыть, и я хожу в дырявой шляпе, а дед Алексей, как увидел дыру, так начал хохотать:

– Сонька сделала дефлорацию шляпе, лишила её невинности.

Ну вот что в голове у немолодого человека? Трижды деда? Одни глупости.

Я ношу шляпу так, что дыра с той стороны, с которой у меня нет зуба: так, считаю я, всё в гармонии: с одной стороны я молодая женщина в шляпке из настоящей соломки с бантом, а с другой старушка-побирушка в драной шляпе и без зуба. Отсутствие зуба к Софье отношения не имеет, не она его выбивала. И на том спасибо.

Едем в обязательную экскурсию, в Мариналенд. Всем семейством, шесть человек. И оранжевую малышку с собой прихватили, решили, что ей там понравится.

В Мариналенде развлечений много, с крутой горки можно на попе в воду съезжать, а можно с другой на круглой надувной лодке-одноместке, а ещё по небольшим порогам на настоящей лодке.

И все разбежались, на пары разделились.

Родители, конечно отдельно: они терпят присутствие родителей для того только, чтобы отдохнуть от своих детей.

Дед подхватил старшую внучку, Настю, у неё на него было полно планов, и они ушли: оба с одинаково горящими от нетерпения глазами, при мысли о том, как они сейчас развлекутся.

Я же осталась с Соней, как не способная на спортивные подвиги.

Мы погуляли за ручку по парку, нашли лягушатник, большой мелкий водоем, наполненный визгом, писком, брызга-

ми, каплями и щеками, сверкающими на солнце.

Я решила, что здесь самое место приучить тебя к воде, морского прибоя ты боялась и, хотя отец регулярно полоскал тебя в воде, улыбки удовольствия на твоём личике я не замечала. Напряжённое было лицо.

Разлеглась в лягушатнике, внучку в памперсе уложила на себя, и давай поливать водой, предлагая порадоваться жизни.

У тебя была скептическая мордашка, но потом, мало помалу, появилась улыбка удовольствия, и вдруг, вдруг, рядом с нами в воде я увидела небольшую какашку.

Да, да, самую заурядную какашку, которую мне приходилось иногда встречать в море. Чёрном море на Батумском пляже

Я возмутилась такой невыносимой грязью в бассейне, отодвинулась подальше от неё, и вдруг бульк, – рядом всплыла вторая.

Тут только меня осенило, как пробой в мозгу произошёл, выскочила из воды, внучку подхватила одной рукой, сунула подмышку, Заодно я выхватила её произведение из воды. С ребёнком под мышкой и фекалиями в кулаке я отправилась на поиски: хотела найти воду, в которой не булькала бы куча народу, чтобы помыть Соню и себя, но нигде не было такого местечка, представляешь? Кругом полно воды, а помыться нельзя, и чувствуешь себя как потерпевший кораблекрушение и страдающий от жажды: воды кру-

гом полно, а пить нечего.

Я нашла-таки кран, разгребла под деревом прошлогоднюю листву и, воровато озираясь, закопала под ней содержимое своего кулака. Под жалкой струйкой воды, которая лилась на землю и всё равно в конце концов сливалась где-то с большим потоком, вот под этой струйкой я тебя помыла, и теперь уже с голой девчонкой, вяло дрыгающей ногами, отправилась искать место, где мы сложили свои пожитки и сумки.

Найти его было затруднительно, под каждым деревом и кустом большой территории лежали шмотки, владельцы которых где-то развлекались, и я потратила полчаса, прежде чем нашла наши. Время шло к обеду, мне тебя пришлось кормить (и себя тоже) причем прикасаться к продуктам левой рукой, а правую держать за спиной, и периодически тереть её об землю. Мытье без мыла иногда бывает очень неэффективным.

А Соня, т.е. ты, сидела себе в чистом памперсе, довольный ребенок, и чинно вкушала, милый такой ангелочек, и подумать нельзя, что только что напакостила.

Где-то через час нашлись сначала твои родители, а потом и дед с сестрой, дед умирал с голоду, – его хроническое состояние на свежем воздухе.

Мой рассказ о перенесенных мытарствах ни на кого большого впечатления не произвел: все жаждали поглощать пищу, и противоположный процесс их в данный момент

не взволновал.

А руку им под нос, для ароматического сопровождения рассказа, я не поднесла, а может быть, надо было.

Чувство собственности

Настя любит возиться с пластилином, она скрутила розы, целый букет, слепила собачку, произведения свои ставит на стол.

Ты стоишь рядом, и при виде каждого нового изделия приседаешь от избытка чувств и залиvisto смеешься, так тебе нравится процесс творчества.

Никаких попыток ухватить сделанное ты не производишь, просто смотришь и радуешься, и я не знаю больше ни одного маленького ребенка, который не ухватил бы игрушку и не смял её обратно в бесформенный комок. Так поступают все дети, сразу хватают то, что им понравится, стремясь присвоить, но в тебе этого свойства нет.

Приезжая к нам ты играла одна в игру, которую в моем детстве мы называли «игрой в дом». Устраивался дом, варились еда, сервировался стол. Игра в дочки-матери требует наличие хотя бы ещё одного человека, а в дом можно играть одной.

Ты создавала уют, доставала из серванта шкатулки, кофейный сервиз, разливала по чашкам чай, и нужно было делать вид, что пьешь из пустых чашек. Из шкатулок доставались кольца и серьги, тоже раскладывались вокруг чашек, присутствовали салфеточки вязанные ещё твоей прапрабабушкой, в общем, красота.

Всю эту красоту ты или убирала обратно, или оставляла как есть, в разобранном виде, но никогда, ни разу, за все годы ты не попросила взять что-то с собой, унести, присвоить себе.

Захватчицей чужого ты не была ни в коем случае, но и в полном отсутствии чувства собственности обвинить тебя невозможно: со своими вещами, сколько их у тебя не было бы, ты не желала расставаться ни в коем случае.

В квартире наблюдалось обилие всяческих игрушек и утомляло окружающих. Я иногда утаскивала парочку медведей или зайцев на дачу, чтобы когда вы туда приезжали, вам было чем поиграть, и каждый раз, с неизбежностью, приехав на дачу, ты забирала их с собой обратно. Убедить тебя, что и дача тоже твой дом и пусть игрушки и здесь живут, было невозможно.

У тебя года в четыре появилась любимая собачка по прозвищу «Синичка», странная, конечно, кличка для пёсика, но это было твоё решение.

Ты приезжала к нам с Синичкой, спала с ней, она заменяла тебе «ладико», и ты дружила с собачкой несколько лет. А потом подленькая Радка утащила Синичку и отгрызла ей носик.

Бог ты мой, сколько было тут слез! Просто Ниагарский водопад.

Собаку мы наказали, а что толку? Я приклеила нос обратно, но это было уже не то.

Огорченная твоим непомерным отчаянием, я нарисовала Синичку пастелью. Нос пририсовала такой, какой он был ещё до того, как Радка его отгрызла.

Ты долго кричала, что Синичка не похожа; я вставила рисунок в рамку, положила на стол, и сказала:

– Как хочешь, хочешь, бери, хочешь нет.

Уезжая, ты забрала рисунок с собой, повесила его на стену в новой квартире, где он и висит до сих пор.

Спустя год, летом, ты приехала на дачу уже с новым любимцем, Лёвущкой.

Или это всё-таки был не лев, а медведь?

Ну не сердись, не сердись...

Первые высказывания

Вы с Настей приехали к нам.

Настя залезла на дерево, ты беспокоишься, сестра не на месте, но сказать, Настя, слезай, ты не можешь, кричишь:

– Нана, Нана, – и протягиваешь к Насте руки, а потом пальчиком указываешь на землю:

– Тут, тут, – повторяешь ты.

И всё ясно, Настя должна быть там, куда указывает палец.

Мы с тобой вдвоем. Родители со старшей сестрой укатили, может, в Вену, а может быть, в Прагу.

Каждое утро, едва открыв глаза, ты просишься гулять.

– «Кач, кач», – говоришь мне.

– Соня, скажи «качаться», – отзываюсь я.

– Да, – соглашаешься ты. – «Кач, кач».

И мы качались до умопомрачения, и никак не удавалось тебя увести от этих качелей.

Осень, мы идем куда-то вдоль дома. Ты у деда на руках, обнимаешь его за шею. Ты зовешь деда Леля, так у тебя выговаривается Леша, а меня Ойя. Настя – просто Нана.

– Леля моя, – говоришь ты, крепче обнимаешь деда и смотришь сверху вниз на меня с Настей, чтобы мы не отобрали.

Пауза. Раздумье. Понимаешь, что придется делиться.

– Ойя Нанина.

– Папа моя, – думаешь ты дальше.

– Мама, – Нанина.

– Понятно, – реагирую я. – Что получше, себе, похуже, сестре.

Знакомство с дачей

Зимой, в конце 99 года мы купили дом в деревне «Малая Чёрная», сейчас это место идет под названием: «Ближняя дача», а тогда была просто дача.

Старая изба, кровля провалилась, но не текла, пол был из широких досок толщиной сантиметров шесть, но в полу были щели, из которых дуло.

Тем не менее, мы с Лешей, обрадованные приобретением, почти каждые выходные мотались на дачу, а после Нового года и тебя решили прихватить.

Схватили младшенькую и увезли, а родители хоть и сомневались в разумности такого поступка, возражать не стали.

Печка была старая, дымила, изба была большая, топить надо было часов пять, чтобы стало тепло.

Мы приехали к вечеру, и топили, топили, топили,

Ты хотела спать, а я всё щупала промерзшее сидение дивана, ждала, когда оно прогреется, чтобы можно было тебя уложить, без риска простудить.

Диван был старомодный, небольшой, с откидными валиками, высокой спинкой и полочками для расстановки слоников и других фарфоровых изделий: мебель моего детства.

Наконец тебе надоело ждать, ты улеглась на диван, с моей точки зрения недостаточно прогретый, мы укрыли тебя

старым верблюжьим одеялом, которое досталось нам вместе с домом. Закрывшись «ладиком», так назывались остатки от светлого детского одеяла, под которым ты сосала пальцы, ты спокойно уснула. Ладико тогда ещё не было остатками в полном смысле слова, это потом будут сначала половинка, потом четверть, а потом какие-то ветхие обгрызенные лохмотья и, когда к шести годам они совсем развалятся, ты окончательно откажешься от детской привычки сосать пальцы, Но это всё впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.